

Глава 2. Первый день календаря.

Первое сентября для всех одно — вставай, иди учись. Или вставай, иди учить. И всё-таки у каждого оно одно.

Русский бы сказал: хорошо спится тому, у кого совесть чиста. Якут скажет, имея в виду то же самое: у этого малого воротник из лисицы. У Фёдора Баглаевича Кубарова было то и другое — и чистая совесть, и шуба с лисьим воротником. Придёт зима — сами увидите. Вот почему Кубаров продолжал спать, хотя уже прозвенел будильник и солнце светило в окна.

Звяк и бряк из кухни нарушил добрый сон Фёдора Баглаевича. «Надо бы встать, — подумалось Фёдору Баглаевичу. — Сплю, будто на пенсии, будто не первое сентября сегодня. Но, с другой стороны, какие такие у меня заботы? Слава богу, всё у меня джэ бэрт...»

Тут солнечный луч коснулся скулы директора школы, не раскрывая глаз, директор уткнулся лицом в подушку, отчего дышать ему стало трудней, и мысли, соответственно, приняли минорный тон. Всё-таки не совсем это правильно, думалось директору, безмятежно спать, когда уже поднялось солнце. Есть в этом какая-то недоработка. Стареешь, Фёдор Баглаевич. Ребята, которых ты обучал, мужами стали. У Серёжи Аласова вчера гостил — посмотреть только на этого Серёжу, мужчина! Потчевал он нас славно. Я, кажется, даже перебрал маленько. На радостях, понятное дело. Молодец, Серёжа Аласов, что и говорить! Слух был, его даже в Министерство просвещения сманивали, в Якутск, а он — не-ет, в родимые края, и точка! Не я ли его таким вырастил? И умён, и прост, и уважителен, как подобает настоящему якутскому мужчине. О военных наградах разговор зашёл, другой тут такое северное сияние разрисовал бы, а он и не подумал хвост распушить... Да, Фёдор Баглаевич, твоей школе определёнno повезло, экий сокол в родное гнездо вернулся! Вернулся, чтобы нашу старость крепким молодым плечом подпереть.

Даже в полусне Фёдор Баглаевич не мог удержаться, чтобы не потешить себя высоким слогом и сладостными для его сердца мыслями о старости, увы, неизбежной, но такой почётной.

Директор Арылахской средней школы Кубаров Фёдор Баглаевич был из тех людей, возраст которых не сразу определишь: вроде бы далеко не молод, но и не стар. Если обозреть Фёдора Баглаевича со спины, обратишь внимание на шаркающую походку, на его побелевшие по рантам вечные сапоги (если дело летом) или на меховые кюрюмэ (если зимой) — косматые, по-дедовски подвязанные к поясу кожаными ремешками. Старик стариком!

Но стоит заглянуть в его живые медвежьи глазки, на щёки, выступающие на плоском лице, словно крепкие маленькие яблоки, обратить внимание, что волосы на его стриженной, как у школьника, лобастой голове почти лишены седины, и

скажешь по-другому: совсем ещё молодец! А между тем Фёдору Баглаевичу далеко за шестьдесят.

Где-нибудь на людях, особенно в молодёжной компании, Фёдор Баглаевич, загнав в свою знатную трубку из берёзового корневища добрых полпачки табака зараз и пыхнув едучим облаком, охотно пускается в рассуждения о прошлых днях, когда в Якутии водились борцы, которые сворачивали шею трёхгодовалому быку, бегуны, обгонявшие летящую утку, удивительные по своей дерзости таёжные разбойники. У Кубарова выходило, что он и сам в некоем роде был причастен и к борцам невероятной силы, и к бегунам быстрее утки, и даже к разбойникам...

Словом, был Фёдор Баглаевич в Арылахе весьма видной фигурой. Он и родился здесь, и жизнь здесь прожил — лишь на три года отлучался из Арылаха, чтобы пройти курс наук в Якутском педучилище. Давно это было. Проводив в первый год войны прежнего директора на фронт, Кубаров с той поры так и оставался на директорской должности. Он был бы удивлён и даже, пожалуй, возмутился бы, если на каком-нибудь учительском совещании докладчик не призвал бы равняться на Арылахскую школу. Но такого ни с одним докладчиком, слава богу, ещё не случилось...

— Фёдор Баглаевич! Феденька, дорогой, да не помер ли ты случаем?

Кто-то стаскивал с Кубарова одеяло. Отбиваясь, он резко повернулся в постели и сел, зажав одеяло в кулаке. Ну конечно же Левин! Кто бы другой посмел таким образом обращаться с директором!

— Или новый учебный год нам без руководства начинать?

— Всеволод Николаевич...

— Э, нет! Давай-давай, Фёдор Баглаевич, поднимайся. На зарядку становись...

— Ах, стар я уже для зарядки, — жалобно сказал Кубаров, всё ещё не сдавая своей позиции и оставаясь в постели.

— Стар? — Левин наклонился к нему и шёпотом, будто сообщая великую тайну, проговорил: — Когда человек стареет, он совсем мало спит, ему каждый час всё дороже. Бывает, и совсем сна лишается. А ты у нас молод, Феденька. Спи! Прости, что потревожил...

Вот такой он, Левин. Можно сказать, второй директор в Арылахской школе. А бывает, что за советом иной к Левину прежде пойдёт, чем к Кубарову.

От недавнего удовлетворения, с каким Фёдор Баглаевич проснулся, не осталось и следа. Директор с укоризной оглядел свои голые ноги и стал натягивать штаны.

Задумав рассказ про то, как встречаются первое сентября арылахские учителя, автор поначалу взялся за дело со всем возможным пылом. Но постепенно рука

его стала водить по бумаге всё медленнее, пока наконец не остановилась вовсе. Автор призадумался. Если описывать утро каждого учителя, то на это уйдёт вся отпущенная бумага. Да и как описывать? По какой системе? Ведь в каждом деле должна быть своя система, без неё и корове сена не задашь... Может, описывать учителей по дисциплинам — литература, математика и так далее? Или идти по служебной лестнице, сверху вниз, начиная с директора?

Погоди! — сказал тут автор сам себе. Вот тебе какая-никакая, а система: показал директора, а теперь зайди с другого края, изобрази рядового из рядовых. Верх — низ, старость — молодость... Тут автор воодушевился и вновь принялся за дело.

Самая маленькая единичка учительского коллектива в Арылахе — это Саргылана Кустурова. Она сегодня, как первоклашка — в первый раз в первый класс.

Лёгкая простыня соскальзывает с Саргыланы...

Слаб человек. Автору бы развивать сюжет, а не подглядывать, как просыпается девушка. Но ничего с собой тут не поделать. Пусть сюжет ещё постучит копытом и погрызёт удила, а автор всё-таки заглянет на минуту к Саргылане.

Простыня соскользнула с девушки, и Саргылана, как была в ночной сорочке, босиком метнулась к столу. Прижала к уху часы, не понимая, стоят они или идут.

— Ланочка, что случилось?

— Майя Ивановна, дорогая! Мне показалось, что проспала!

— Глупая...

Хозяйка успокоила Саргылану, отправила её снова под одеяло.

Тысячи раз описаны волнения молодой учительницы перед первым уроком, в тысячах юмористических рассказов вышучены. Но вот поди ж ты — и знаешь, что это смешно, а вскочила ни свет, ни заря. Оказывается, даже отличное знание литературы ни от чего не спасает. Теперь, конечно, ни за что не уснуть. Надо просто полежать тихо, дать Майе Ивановне доспать своё.

Занялась заря её новой жизни. Совсем как в стихах...

Школьницей Саргылана меняла свои привязанности чуть ли не каждую неделю. Спектакль со знаменитым актёром — и она на всю жизнь актриса. Пустили в Якутск новенькие автобусы, и Саргылана сейчас же к отцу: пойду в водители. Отец не противился. Не возражал он против полярной радистки, не смутила его и балетная карьера дочери. Обеспокоился отец лишь тогда, когда Саргылана перестала стрекотать о своих увлечениях, стала тихой и строгой. Забросив романы, она читала записки народной учительницы, методику ведения уроков и труды Макаренко о воспитании. Это нисколько не походило на прежние

увлечения — это было серьёзно, и потому отец забеспокоился: неужели ей действительно нравится профессия учительницы?

Неприятно хлопая подтяжками на груди, отец ходил по комнате и говорил о том, что стать учительницей — значит закопать в землю своё будущее. Начнёшь учительницей, учительницей и кончишь. Другое дело — должность в аппарате. Или ещё лучше — научный работник. Будь ты хоть олух олухом, всё равно станешь продвигаться со ступеньки на ступеньку, ты только посмотри, сколько их вокруг, этих кандидатов всяких наук...

Недаром у себя в министерстве за столом главного бухгалтера Тарас Тимофеевич наводил страх даже на министра. Человек он был решительный и сам принёс дочери авиабилет в Москву: всё сговорено, будешь поступать на биофак университета.

Саргылана полетела в Москву, но в университет даже не зашла. О том, что дочь всё-таки учится в педагогическом, Тарас Тимофеевич узнал месяц спустя.

За год, проведённый вне дома, изменилось её отношение к родителям. Сказать честно, она теперь уже не так любила их, как раньше, особенно отца. Эти его отвратительные слова о педагогике! А его вечное недовольство всем «простонародным», хотя сам он родился в якутской деревне, старики его и сейчас жили в дальнем наслеге. А его пренебрежение к якутскому языку!

Однажды на третьем курсе была встреча с французскими студентами. По очереди пели песни на родных языках, всем хотелось послушать песни морозной и загадочной Якутии, но как признаться, что она не знает до конца ни одной якутской песни, что говорит на родном языке, как иностранка. Кто этому поверит!

Разбрызгивая от ярости чернила, Саргылана написала отцу длинное письмо: он вырастил её дурочкой, ей стыдно за себя и за его родительский эгоизм. После института она поедет преподавать в самый отдалённый якутский наслег. Перед родным народом она искупит и свою вину, и вину родителей.

Три года спустя мать лежала с мокрым полотенцем на голове, отец, небритый, мрачный, ходил из угла в угол, правда, уже не кричал как когда-то и не хлопал подтяжками. Саргылана была уже готова отказаться от своего решения, так ей стало жалко родителей! Но она всё-таки отправилась в Арылах. Уезжая, она чувствовала себя и несчастной, и ужасно гордой — поступила по-своему!

Деревня Арылах стояла в окружении дремучих лесов, но в ней была настоящая десятилетка с интернатом, с отличными производственными мастерскими. Саргылану Тарасовну встретили радушно, обласкали. Учительница Майя Ивановна, одинокая молодая женщина, предложила ей уголок в своём домишке, а директор-старичок даже выразил готовность

похлопотать «на счёт коровки» — не хочет ли Саргылана Тарасовна завести дойную буренушку, чтобы пить парное молоко по утрам? Саргылана едва не рассмеялась вслух. Коллеги то и дело предлагали ей свою помощь, что-то советовали, каждый чувствовал себя ветераном рядом с такой молоденькой.

И вот сегодня, через четыре часа, Саргылана Тарасовна даёт свой первый урок.

Через три с половиной...

— Ведь рано! — попыталась остановить её Майя Ивановна, когда Саргылана, едва клюнув раз-другой со сковороды, начала собираться. — В школе ещё ни души.

— Пойду я, Майя Ивановна...

— Ну иди, если не терпится.

Саргылана, по-праздничному одетая, встала у двери.

— Так можно, Майя Ивановна?

Майя молча рассматривала девушку. Можно ли ей так выйти? Да хоть в рубище, юности всё к лицу! А Саргылана, наверно, и среди самых хорошеньких не затерялась бы: фигурка — тростиночка, глаза чудесные, загорелые девичьи ноги. Красивая, юная, какой ты уже никогда не будешь...

— Майя Ивановна, можно или нет?

— Можно... Ты красивая, Лана.

Она проводила девушку на крыльцо:

— Ну иди, будь умницей. Счастливого пути тебе.

Права оказалась Майя Ивановна — школа пустая, одна сторожиха баба Фекла шаркает войлочными туфлями по длинному коридору.

— Чего это ты, голубушка, чуть свет? Эрде... Иди спи ещё.

Бегом бежала, а тут на тебе — никого! Лана походила по гулкой учительской, почитала на стене объявления, начертанные аккуратным чертёжным почерком завуча, выглянула в окно. Крохотная девчушка с большим ранцем одиноко сидит на скамейке, болтает ножками. Хоть пойди да сядь рядом с ней.

Однако нет! Не только мы с тобой, малышка, оказались такими нетерпёхами! «Эх-хе-хе», — послышался за дверью знакомый хриловатый голос с одышкой. Всеволод Николаевич Левин. Вошёл в учительскую, густой голос его загудел где-то под потолком, пустынная комната сразу наполнилась жизнью.

— А... Ланочка! Кэпсиэ, коллега дорогая! Так вот какой бывает самая ранняя пташка! Прекрасный экземпляр пернатых, хо-хо... С добрым утром, коллега, с добрым утром! С первым сентября вас, Саргылана Тарасовна!

— Спасибо, Всеволод Николаевич! Вас тоже.

— Совсем молодая и так рано подымаетесь! Вы убиваете на корню мою стройную теорию. Всего десять минут назад я излагал её одному лежебоке...

— Вообще-то я спать люблю... — призналась Саргылана, смущаясь неизвестно отчего. — Только вот сегодня...

— Это бывает. Сегодня уж поволнуйтесь, дорогая, деваться вам некуда. Честно сказать, Саргылана Тарасовна, я вот свой сороковой год в школе начинаю, а всё равно волнуюсь. Да-да, представьте себе... Совсем как артист Качалов, — старик усмехнулся. — Тот тоже до самой смерти перед выходом на сцену дрожал ужасно. И артистам, и учителям так уж положено — к людям идём...

Саргылана кивала в согласие, понимая лишь одно: остаются считанные минуты!

Учительская постепенно заполнялась, к девушке то и дело обращались с вопросами, кто-то громко хохотал у самого её уха. Аласов — как и она, новенький в этой школе учитель — что-то назидательно сказал ей. Она бессмысленно поглядела на этого Аласова, на его странные брови, загнутые рожками...

Рядами вдоль коридора стояли ученики на торжественной линейке: белые фартучки, красные галстуки, серьёзные ребячьи лица. В торжественной тишине внесли тяжёлое школьное знамя. Саргылану подмывало самой сказать что-нибудь жаркое, сердечное: «Дорогие мои, если бы знали, как я вас люблю!» Сейчас прозвенит звонок. Сейчас, сейчас... Есть такие стихи: «Трелью медного звонка отзвенела наша юность». Так оно и бывает у людей: кончились школьные годы, и всё дальше, всё тише этот звонок. Для неё же он не отзвенит никогда. Переменки, каникулы летом, всё, о чём благодарно вспоминают люди и жалеют, как о невозвратном, — все остаётся с нею. Трелью медного звонка... Вот уже пошли ребята по классам. Уже захлопали крышки парт. Трелью медного звонка...

— Саргылана Тарасовна, прошу вас, — сказал кто-то, и мурашки побежали у неё по коже.

Завуч Тимир Иванович осторожно берёт её под локоток, чуть-чуть подталкивает к двери. И она понимает — всё!

Она впереди, завуч за нею, они подходят к двери, на которой крупно выведено 7 «Б». Невероятный шум...

— Надо идти, Саргылана Тарасовна.

И она решительно открывает дверь на себя.

В добрый путь, Саргылана Тарасовна!